

XVII века не представляет чего-либо необыкновенного для древнерусской литературы.

Итак, все приведенные Н. А. Баклановой доводы не кажутся нам убедительными. Что же может подсказать дату написания „Повести“? Тут придется коснуться некоторых деталей, упущенных Н. А. Баклановой.

Главным персонажем „Повести“ является Савва Грудцын. Поскольку автор точно называет фамилию и место происхождения семьи Грудцыных, возникает предположение о том, что в основе „Повести“ лежит какое-то реальное происшествие, причем реальность происходящего автор подчеркивает в заглавии: „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия“ (разрядка моя, — С. К.). Поэтому, думается, разбирая историю семьи Грудцыных, необходимо попробовать установить, кто мог послужить прототипом образа Саввы, так как совершенно несомненно, что поводом к написанию „Повести“ послужило не особое уважение к богатству отца, а необыкновенная и, вероятно, драматическая судьба сына. Если предположить, что под видом Фомы изображен Василий Иванович, то прототипом Саввы мог быть один из его сыновей — Семен или Иван. Но, рассказывая об этих молодых людях, ровесниках Петра I (Семен, так же как и Петр, родился в 1672 году), живших в такую богатую событиями эпоху, автору не к чему было вспоминать Смоленскую войну. Он скорее повел бы своего героя под стены Азова или Нарвы или в строящийся Петербург. Кроме того, автор не мог бы обойти историю разорения рода Грудцыных; он же, наоборот, сообщает, что род Грудцыных продолжается: „... их же род и доднесь во граде том влечется“ (стр. 235).

Поэтому, думается, прототип Саввы надо искать среди тех представителей семьи, которые могли участвовать в Смоленской войне. По возрасту он должен был бы принадлежать к третьему поколению Грудцыных. В статье Н. А. Баклановой приведена родословная Грудцыных-Усовых, но имени Саввы в ней не встречается, так же как и имени Фомы, между тем автор стремился к точной передаче биографических данных при повествовании, иначе ему не к чему было бы говорить о Великом Устюге и называть героя Грудцыным-Усовым. Такая точность заставляет предположить, во-первых, что под именем Саввы выведено какое-то совершенно реальное лицо, во-вторых, что автор не считал нужным переименовать своего героя. В последнем случае не было бы смысла сообщать его подлинную фамилию. Чтобы объяснить отсутствие имени Саввы в родословной, можно сделать два предположения. Среди Грудцыных третьего поколения Н. А. Бакланова упоминает Силу и Степана. В 30-е годы они были приблизительно „призывного“ возраста. О их дальнейшей жизни в статье ничего не сказано. Отсюда напрашивается первое предположение, что один из них пережил душевную драму, послужившую впоследствии сюжетом для „Повести“, постригся в монахи и получил имя Саввы (монашеское имя обычно начиналось с той же буквы, что и мирское) и под этим монашеским именем был известен автору. Имя же его отца повествователь перепутал. Но это стройное логическое построение разбивается само собой, потому что имена купцов Силы и Степана (или Стефана) Грудцыных упоминаются в таможенных книгах Великого Устюга как в 40-е годы, так и в 50-е, следовательно, Сила и Степан благополучно торговали до самой своей смерти и нет никаких оснований предполагать, что они пережили приключения Саввы. Таким образом, первое предположение отпадает и остается второе.